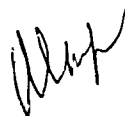


На правах рукописи



Шкредова Мария Игоревна

СОВЕТИЗМЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук



005551517

7 АВГ 2014

Архангельск – 2014

На правах рукописи

Шкредова Мария Игоревна

СОВЕТИЗМЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Архангельск – 2014

Работа выполнена на кафедре русской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мурманский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет», профессор

Иванищева Ольга Николаевна

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», профессор

Кошарная Светлана Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», доцент

Морозова Ольга Евгеньевна

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сочинский государственный университет»

Защита диссертации состоится 25 сентября 2014 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета ДК 212.008.07, созданного на базе ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 164520, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Торцева, 6, ауд. 21.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «18» июля 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор



Э.Я. Фесенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изменение политического строя, революционные события 1917 года не только повлекли за собой перестройку общественно-политической жизни страны, но и повлияли на культуру и язык советского народа.

Необходимость наименования новых реалий потребовала изменений в языке. Так постепенно сформировался язык советской эпохи, который в науке получил разные номинации: *«ритуальный язык»* (Кронгауз 1994 и др.); *русский тоталитарный язык* (Кронгауз 1994; Михеев 1991; Серю 1993 и др.); *советский «новояз»* (Басовская 1995, 2011; Васильев 2000, 2003; Горбаневский 1991; Земская 1996; Кириченко 2007; Купина 1995, 2000; Медведева 2006; Нерознак 1991; Седов 1993; Юрков 2007 и др.); *советский язык* (Вежбицкая 1996, 2001; Земцов 1985; Маркштайн 1995; Романенко 2003, 2004; Фесенко 1955; Шанский 1987; Якубинский 1937 и др.); *язык пропаганды* (Чудинов 2011 и др.); *язык революционной эпохи* (Кожевникова 1998; Селищев 1928, 1968 и др.); *язык Совдепии* (Мокниенко 2005; Никитина 2005 и др.); *язык советского времени* (Ермакова 1997, 2011; Панов 1962 и др.); *язык советской действительности* (Червинский 2012 и др.); *язык советской эпохи* (Ожегов 1953, 1974; Протченко 1985; Супрун 1969 и др.); *язык сталинской эпохи* (Басовская 1995 и др.) и др.

В науке называется несколько факторов, оказавших влияние на язык советской эпохи: расширение социальной базы русского литературного языка; изменение путей передачи и распространение навыков литературной речи; расширение социальных функций литературного языка; убыстрение темпа общественной жизни; преодоление территориальной раздробленности, лоскутности старой России; энергичные перемещения людских масс в эпохи больших исторических переломов (Октябрьская революция и гражданская война, промышленное строительство на востоке страны, Великая Отечественная война); рост общей культуры населения [Панов 1962].

В советском языкознании выделяли две формы языка советской эпохи – *официальную* и *неофициальную* [Ворожбитова 2000].

Под *официальной* формой языка советского общества понимался язык, развитие которого целенаправленно определялось, направлялось и регулировалось правящей партией. *Неофициальная* форма языка представляла собой разговорный язык повседневности, который формировался стихийно и не подчинялся этому контролю.

Для наименования различных культурных и общественно-политических событий в языке создавались новые советские слова (*советизмы*). Советизмы как явление советской культуры и как особый пласт лексики привлекали внимание многих специалистов.

В современной лингвистике советизмы изучались с разных точек зрения: исследовались *языковой статус советизмов и особенности их функционирования* (Жданова 1996; Зыкова 1997; Кочетков 1999; Ошеева

2004; Павлова 2011; Пихурова 2005; Пчелинцева 2012; Седакова 1995; Сергио 1999; Скворцов 1987; Ткачева 2008; Шацкая 2004 и др.); *специфика перевода советизмов* (Бестолкова 2005; Влахов 1986; Гарачук 1986; Зиновьева 1988; Иванов 2006; Катцер 1964; Новикова 2006; Федоров 2002; Чернов 1958 и др.); *структурно-семантические изменения советизмов* (Виноград 1985; Клушина 1995; Кузьмина 1999; Лю Цзюнь Пин 2004 и др.); *анализ концептов в составе советизмов и их национально-культурных особенностей* (Выходцева 2006; Дудко 2010; Киселева 2008; Левин 1998; Пищальникова 2007; Соколовская 2002; Хан-Пира 1994; Яшин 2010 и др.).

Были опубликованы словари: Г.Ч. Гусейнов «Д.С.П. Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века» (2003), О.П. Ермакова «Жизнь российского города в лексике 30-40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений» (2011), В.М. Мокиенко «Толковый словарь языка Совдепии» (2005), М.А. Хевеши «Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода» (2004).

При этом до сих пор не сформулированы критерии отбора советизмов в отдельную группу лексики, дискуссионными являются вопросы об определении временных рамок появления советизмов, происхождении термина, объеме лексики, включаемой в понятие «советизм», вербальном/невербальном характере советизмов, недостаточно исследованы особенности функционирования советизмов в художественной литературе, практически отсутствуют работы, посвященные анализу советизмов, упребленных в прозе эмигрантов.

Под *прозой эмигрантов* в настоящем исследовании понимается литература русского зарубежья, возникшая после Октябрьской революции 1917 г. и существующая как политическое противопоставление литературе «метрополии» [Литература и язык 2006]. Литература эмигрантов создавалась за рубежом вне установленных в СССР идеологических рамок, и в связи с этим в стране велась ожесточенная борьба против произведений эмигрантов. Проза эмигрантов представляет собой ценный лингвистический материал, насыщенный примерами, «иллюстрирующими неофициальную, «антисоветскую» точку зрения [Иванищева 2003].

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование выполнено в рамках лингвокультурологии, обращение к которой видится в необходимости рассмотрения лингвокультурологического потенциала советизмов как культурных феноменов.

Цель данного исследования заключается в выявлении специфики советизмов эмигрантской прозы как лингвокультурного феномена.

Цель исследования обусловила решение конкретных задач:

- уточнить определение понятия «советизм»;
- разграничить понятия «советизм» и «идеологема»;
- выявить типы советизмов эмигрантской прозы;

- исследовать специфику лингвокультурологического потенциала советизмов в текстах эмигрантской прозы;
- проанализировать динамику фоновых знаний советизмов в эмигрантской прозе.

Объектом исследования являются советизмы в прозе писателей-эмигрантов.

Предмет исследования составляет лингвокультурологический потенциал советизмов эмигрантской прозы как культурно-коннотированной лексики.

Материалом исследования послужили 980 единиц, выявленных методом сплошной выборки из 49 произведений писателей третьей волны эмиграции: В. Аксенова, Ю. Алешковского, Г. Владимова, В. Войновича, А. Галнча, А. Гладилина, Ф. Горенштейна, С. Довлатова, Э. Лимонова, В. Некрасова, Д. Рубиной, А. Солженицына, Б. Хазанова.

В настоящем исследовании в том числе использовались тексты из электронной библиотеки современного литературного журнала (<http://www.magazines.ru>) и электронной информационно-справочной системы Национального корпуса русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (<http://www.ruscorgo.ru>).

Выбор данного периода эмиграции обусловлен тем, что именно в третий период литература в большей степени была ориентирована на критику советской действительности, противопоставление советского и зарубежного образа жизни, развенчание идеалов марксизма-ленинизма.

Для достижения поставленной цели и решения задач в работе использован комплекс методов: общенаучные методы (метод анализа, классификация единиц по заданным основаниям) и частнонаучные методы (компонентный и контекстный анализ, анализ словарных дефиниций, лингвострановедческий анализ). В процессе сбора и обработки материала использовался метод сплошной выборки. В качестве основного применялся описательный метод, включающий наблюдение над языковыми фактами, их обобщение и систематизацию.

Теоретико-методологической основой исследования являются концепции, выработанные в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Теоретическую базу исследования составили труды ученых, в которых:

- рассматриваются вопросы взаимоотношения языка и культуры, способы выражения культурной информации, изучаются языковые единицы в динамике (Ахманова 2004; Берков 1977, 2004; Вежбицкая 1996, 2001; Верецагин 1980; Влахов 1986; Воровжитова 2000, 2009, 2014; Жирмунский 1936; Игнатьева 2010; Иванничева 2003, 2005, 2007, 2008; Камалова 2006, 2010; Караулов 1995; 2010; Карцевский 1923, 2000; Ковалевская 1978; Костомаров 1971, 1977, 1980, 1987; Крысин 1967; Маслова 2001, 2004; Мещерский 1967; Ржевский 1951; Симашко 1999, 2003; Телия

1996; 1999; Тер-Минасова 2007; Флорин 1986; Хан-Пира 1991; Шведова 1984 и др.);

– *заложены основы отечественного терминоведения, рассматриваются общие вопросы теории термина, разграничены сопряженные понятия* (Агейкина 2010; Берков 1977; 2004; Быстров 2009; Верещагин 1980; Виноградов 1958; 1971; 1977; 1978; 2001; Винокур 1929, 2000; Грачева 1975; Гусейнов 2004; Журавлев 2004; Малышева 2009; Пихурова 2005; Пионтек 2012; Протченко 1985; Шанский 1987; Шмелев 1964; Фельдман 2006; Франк 2008 и др.);

– *анализируется эмигрантская проза* (Агеносов 1998; Астащенко 2003; Бушлакова 2003; Вахненко 2007, Гловинская 2001; Грановская 1993; Дадаян 2010; Есаулов 1992; Козлова 1999; Лау 2011; Михайлов 1995; Соколова, 1991; Спиридонова 1999; Струве 1996; Чудакова 2001; Johnston 1988; Paschmuss 1987; Raeff 1990 и др.).

Научная новизна работы заключается в следующем:

– *уточнено определение понятия «советизм» в соответствии с его структурными и временными характеристиками;*

– *выявлены типы советизмов эмигрантской прозы, основанные на структурных особенностях и наличии/отсутствии идеологизированных сем в лексическом значении;*

– *исследован лингвокультурологический потенциал фоновых знаний советизмов в эмигрантской прозе, заключающийся в представлении страноведческой информации и символической значимости советизма;*

– *проанализирована динамика фоновых знаний советизмов, в основе которой лежит изменение оценки и стереотипов восприятия реалии.*

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Советизмы следует определять как слова, словосочетания и предложения, характеризующие реалии, связанные с советской действительностью (после 1917 года).

2. Советизмы используются для обозначения реалий советского прошлого и как знаки культуры обладают способностью транслировать культурно значимую информацию.

3. В соответствии с наличием/отсутствием идеологизированных сем в структуре лексического значения советизмы эмигрантской прозы делятся на денотативные и концептуальные.

4. Основу лингвокультурологического потенциала советизмов эмигрантской прозы как культурно-коннотированной лексики составляют фоновые знания, представленные в их динамике, выраженной в изменениях оценки реалии и стереотипов восприятия описываемого явления.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведенное исследование позволило уточнить специфику советизмов как знаков культуры, рассмотреть характерные особенности советизмов эмигрантской прозы и расширить представление о месте данных единиц в системе русского языка. Результаты работы вносят вклад в разработку способов опи-

сания лингвокультурологических единиц и содействуют развитию общей теории лингвокультурологии.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в вузовской практике преподавания русского языка, при разработке теоретических курсов по лексикологии, терминоведению, специальных курсов по лексической семантике, при изучении русского языка как иностранного, в теории и практике перевода.

Результаты исследования могут послужить основой при составлении толковых, лингвокультурологических, лингвострановедческих и переводных словарей.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в докладах на 15 международных, всероссийских, региональных и университетских научных конференциях, в том числе на Международной Славянской Конференции «Польские и восточнославянские языковые, литературные и культурные контакты» (Ольштын, 2014); Международной научной конференции «Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия» (Санкт-Петербург, 2014); Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире» (Санкт-Петербург, 2013); Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов с международным участием «Трибуна молодого ученого» (Мурманск, 2011, 2012); Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики: Аспекты исследования» (Мурманск, 2013); Региональной научно-практической конференции с международным участием «Масловские чтения» (Мурманск, 2011, 2012, 2013); Региональной научно-практической конференции аспирантов и магистрантов «Актуальные вопросы филологии» (Мурманск, 2012); Региональной научно-практической конференции ГАОУ МО СПО «Мурманского строительного колледжа им. Н.Е. Момота» «Золотые россыпи» (Мурманск, 2011, 2012, 2013); областном семинаре «Использование современных педагогических технологий обучения русскому языку и литературе как условие формирования общих и профессиональных компетенций обучающихся» (Апатиты, 2012), городском научно-методическом семинаре «Язык – основа государственности» (Мурманск, 2014).

Результаты исследования прошли апробирование в рамках преподавания курсов лексикологии и стилистики по русскому языку в ГАОУ МО СПО «Мурманский строительный колледж им. Н.Е. Момота» и ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет».

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет» (январь, 2014) и на аспирантском семинаре при кафедре культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет» (де-

кабрь, 2013). Результаты исследования отражены в 9 статьях, в том числе в 5 статьях в издании из списка, рекомендованного ВАК. Общий объем опубликованных работ составляет 3,5 п.л.

Диссертация выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы с выполнением научно-исследовательской работы (проекта) по теме «Феномены российской культуры: проблемы лингвистического описания и лексикографирования» (14.В 37.21.0272).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность; определяются объект, предмет, цель, задачи и методы исследования; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; излагаются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации достигнутых результатов.

В **первой главе «Советизмы как тип лингвистических единиц»** проанализировано понятие «советизм», разграничены понятия «советизм» и «идеологема», приведены классификации советизмов и идеологем, выявлены типы советизмов эмигрантской прозы.

В разделе 1.1. определены статус и природа понятия «советизм».

К разработке общих вопросов теории термина «советизм» и стандартизации терминологии в разное время обращались российские и зарубежные ученые: Басовская 2004; Боровой 1963; Вайль 1998; Верещагин 1980; Влахов 1986; Ворожбитова 2000; Гарачук 1988; Горнфельд 1922; Грачева 1975; Гусейнов 2004; Емельянова 2004; Заварзина 1998; Земская 2004; Иванищева 2005; 2007; Иванова 2003; Костомаров 1971, 2001; Кузьмина 1999; Купина 1995; Малышева 2009, 2012; Мокиенко 2003, 2005; Пихурова 2005; Протченко 1985; Седакова 1995; Тань Линь 1992; Чернов 1958; Шарифуллин 1990; Шмелев 1964 и др.

Впервые термин «советизм» был предложен Г.В. Черновым в 1950-е гг. в рамках теории перевода. Ученый называл советизмами единицы, «которые возникли в русском языке или приобрели новые значения в советское время, после Великой Октябрьской революции (*МТС, совхоз, совнархоз, нарком, аппарат, темпы* и. п.)» [Чернов 1958].

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и Д.Н. Шмелев при определении советизмов обозначили временные рамки появления понятия «советизм» и охарактеризовали группы лексики, в которых появилось наибольшее количество советизмов.

При решении вопроса об объеме понятия исследователи сходятся во мнении, что ограничивать понятие «советизм» только словом нельзя, так как советизм как единица может иметь любой объем – от слова до текста.

О.П. Ермакова советизмами считает слова, связанные с советской действительностью [Ермакова 2011], Г.А. Заварзина к советизмам относит слова и фразеологические обороты [Заварзина 1998], Д.Н. Ушаков – слова, сочетания слов и выражения [Ушаков 1940].

Кроме уточнения временных рамок и определения объема анализируемого понятия, дискуссионным является вопрос о включении советизмов в группу лексики активного или пассивного запаса.

Проблема узкого и широкого понимания советизмов представлена в исследованиях Н.А. Купиной и А.А. Пихуровой. В узком смысле советизмы трактуются как слова (сочетания слов, клишированные выражения), являющиеся вербальными или невербальными знаками, которые могут иметь в своем значении коннотативные приращения или культурные ограничители (напр., *подселение, уплотнить, нормы социалистического общежития* и др.), в широком – как политическая лексика и фразеология, имеющая тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение [Купина 1995; Пихурова 2005].

Анализ литературы показал, что до настоящего времени не разработано такое определение советизмов, в котором сочетается характеристика структурных особенностей феномена и указание на время появления данных слов, поэтому в работе предложено определение советизмов *как единиц, к которым относятся слова, словосочетания и фразы, характеризующие реалии, связанные с советской действительностью (после 1917 года)*.

В лингвистической науке в 1960-е гг. впервые была поднята проблема о вариантах названия слов советской эпохи. При этом обсуждался вопрос связи понятия «советизм» с понятием «идеологема».

Понятие «идеологема» изучалось в рамках многих наук – философии, культурологии, политологии, истории, социологии, лингвистики, однако в лингвистической науке до сих пор не выработано его определения. Идеологема относят к концептам, считают невербальным знаком, феноменом политического дискурса и т.д. Разработке определения понятия «идеологема» и проблеме соотношения советизмов и идеологем посвящены работы И.Н. Агейкиной, Г. Гусейнова, Е.Г. Малышевой, Б.М. Пионтке, Д.М. Фельдмана и др.

В лингвистике идеологему как «способ репрезентации идеологии как какой-либо руководящей идеи» впервые проанализировал М.М. Бахтин. Ученый, рассматривая идеологему, говорил о ее непосредственной взаимосвязи с общественно-политической жизнью и языком, считая ее «стержнем» идеологии [Бахтин 1975].

Термин «идеологема» при характеристике языка советской эпохи впервые был употреблен Н.А. Купиной, определившей лингвистический

статус идеологом как «вербально закрепленного идеологического предписания». По мнению ученого, советизмы – более широкое понятие, включающее в себя идеологемы как невербальные и вербальные единицы [Купина 1995].

В лингвистической науке представлены ключевые характеристики феномена «идеологема».

Н.П. Быстров важнейшей чертой идеологом называет «возможность целенаправленного создания понимания у объекта манипуляции» [Быстров 2009]. Употребление идеологом преследовало цель непосредственного воздействия на адресата, т.е. создавало у советского гражданина иллюзию полного понимания сказанного, что позволяло правящей власти манипулировать сознанием членов общества.

Подобной позиции придерживается Д.М. Фельдман, который считает, что употребление в речи идеологом всегда обусловлено заранее поставленной задачей воздействия на адресата. Ученый утверждает, что идеологемы как единицы концептуального характера могут актуализироваться в форме лозунгов, стереотипных, клишированных выражений о власти, государстве, общественно-политической жизни страны и т.п. (напр., *казарменный социализм, административно-командная система, эпоха застоя, светлое будущее коммунизма* и др.) [Фельдман 2006].

С точки зрения Е.Г. Малышевой, ключевой характеристикой идеологом является их концептуальный характер, «закрывающий в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009].

Ключевой чертой идеологом является то, что они употребляются с целью воздействия на массовое сознание народа. Они легко запоминаются как клишированные выражения или часть лозунга, в контексте могут трансформироваться и изменять свою идеологическую направленность.

В настоящем исследовании идеологема, в соответствии с точками зрения Н.А. Купиной, Г. Гусейнова и А.А. Пихуровой, рассматривается как часть советизмов, имеющая следующие характеристики: устойчивость, клишированность, мифологизированность, стереотипность, наличие в значении культурного компонента, обозначение политической реалии как элемента идеологии.

В разделе 1.2. приведены классификации идеологом.

Е.Г. Малышевой по сфере употребления и понимания носителями языка идеологемы подразделяются на три типа: общеупотребительные, понимаемые по-разному носителями языка (*народ, свобода* и др.); общеупотребительные, понимаемые одинаково носителями языка (*отечество* и др.); идеологемы ограниченного употребления, понимаемые одинаково (*солдаты-освободители* и др.).

В соответствии с характером концептуализируемой информации выделяются: идеологемы-понятия (*народ, гимн* и др.); идеологемы-фреймы

(съезд и др.); идеологемы-гештальты (*свобода, равенство* и др.); идеологемы-архетипы (*Ленин, Сталин, Брежнев* и др.).

С учетом прагматического компонента идеологемы делятся на идеологемы с положительным аксиологическим модусом (*отечество, родина* и др.); идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (*фашизм, террор* и др.); идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (*патриотизм, народ, партия* и др.).

В соответствии с актуальностью представляемой информации выделены идеологемы-историзмы (*советский народ, КПСС, социалистическое соревнование* и др.); новоидеологемы (*парламент, толерантность* и др.); реактуализованные идеологемы (*губернатор, дума* и др.); универсальные идеологемы (*Родина, флаг, гимн, патриотизм* и др.) [Мальшева 2009].

А.П. Чудиновым в рамках политического дискурса охарактеризованы две группы идеологем: идеологемы, которые неодинаково понимаются сторонниками разных политических взглядов (*народ, свобода* и др.) и идеологемы, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию (*советские сателлиты* и др.) [Чудинов 2007].

В рамках политического дискурса Н.И. Клушина разработала классификацию идеологем, основанную на стереотипных представлениях о реалии: идеологемы личностного характера, которые утверждаются в сознании народа благодаря созданию стереотипа какой-либо известной личности (*вождь мирового пролетариата* и др.) и идеологемы социального характера, которые утверждают общественные установки на определенном промежутке времени (*нерушимая дружба братских народов* и др.) [Клушина 2008].

В разделе 1.3. приведены классификации советизмов.

Советизмы классифицируются на различных основаниях – тематическом, семантическом, стилистическом, лингвокультурологическом, структурном.

Тематический принцип положен в основу классификаций советизмов, разработанных И.Ф. Протченко, О.П. Ермаковой и И. Земцовым.

Классификация советизмов И.Ф. Протченко включает в себя следующие группы: советизмы, иллюстрирующие деятельность партии и КПСС (*марксизм, партия, ленинизм, коммунизм* и др.); советизмы, обозначающие идейно-нравственные понятия (*патриот, гражданин, коллективист, общественник* и др.); советизмы, связанные с деятельностью пионерских и молодежных объединений (*комсомол, октябренок, звездочка, пионервожатый* и др.); советизмы, обозначающие государственные учреждения и должности (*горсовет, госсекретарь* и др.); советизмы, связанные с профсоюзной деятельностью (*профорг* и др.); советизмы, связанные с коренными изменениями в обществе (*целинница, совхоз, трудовень, коллективиза-*

ция и др.); советизмы, обозначающие новые явления, процессы, события в области просвещения, культурной жизни советского народа (*культурработа, журналистка, дипломница, техкружки* и др.); советизмы, обозначающие отрицательные факты, явления в общественно-политической, экономической, культурной жизни страны (*бесхозяйственность, местничество, перерегибицик* и др.); советизмы, отражающие процессы классовой борьбы (*белогвардеец* и др.) [Протченко 1975].

О.П. Ермаковой выделены пять групп советизмов: наименования лиц (*агитатор, беспартийный, вредитель* и др.); учреждения, организации (*ВКП(б), ГПУ, НКВД, домком* и др.); названия из сферы экономики, снабжения и быта (*блат, дефицит, отовариваться* и др.); наименования, связанные с квартирным вопросом (*коммуналка, уплотнить, подселить* и др.); советизмы разных тематических групп (*аморалка, жилищлощадь, летучка, наек* и др.) [Ермакова 2011].

И. Земцов предлагает следующие типы советизмов: слова и словосочетания политической и философской сфер (*дружба народов, ленинский*); слова и словосочетания из разных сфер советской действительности (*очередь, жилищлощадь*); слова и словосочетания производственной и экономической сфер (*вахта, штурмовщина*); пропагандистски переосмысленные понятия (*пресловутый*) [Земцов 1985].

Классификация советизмов, основанная на анализе их семантических, стилистических и словообразовательных особенностей, предложена В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной: семантические советизмы – новые общественно-политические значения и оттенки значений изначально нейтральных, неидеологизированных слов (*беседа, возжак, пионер*); лексико-словообразовательные советизмы – новые слова, созданные различными способами для обозначения советских реалий (*аулсовет, воскресник, бамовчата*) или советской интерпретации «новой жизни» с монументализацией, возвеличиванием, геронизацией «социалистического труда», «социалистического образа жизни» (*новостройка, автогигант, новояз* и т.п.); стилистические советизмы – стереотипные номинации, которые передают идеологические мифологемы (*вождь мирового пролетариата, царица полей* и др.) [ТСЯС].

Классификация, основанная на специфике культурной информации, заключенной в значении советизмов, разработана С. Влаховым и С. Флориным: собственно советизмы, заключающие культурную информацию о реалиях Советского Союза (*совхоз, колхоз, стахановец*); региональные советизмы, в значении которых характерная культурная информация относится к определенной территории (*Ленгорсовет, Моссовет*); интернациональные советизмы, культурная информация в значении которых имеет международное значение (*Советы, большевизм, спутник*) [Влахов, Флорин 1986].

В настоящем исследовании советизмы распределены на следующие группы в соответствии с их структурой: советизмы-слова (*пионер, комму-*

низм, Ленин и др.), советизмы-словосочетания (*светлое будущее, диктатура пролетариата, «Голубой огонек» и др.*), советизмы-предложения (*Партия и народ едины; Наша цель – коммунизм; Слава труду и др.*).

Раздел 1.4. посвящен анализу денотативных и концептуальных советизмов эмигрантской прозы.

Анализ исследуемого материала показал, что советизмы эмигрантской прозы могут отличаться наличием/отсутствием идеологизированных сем в структуре лексического значения, отражающих дополнительные признаки, связанные с идеологией советского прошлого. Вследствие чего в настоящем исследовании выделены два типа советизмов – концептуальные и денотативные.

К **концептуальным** советизмам эмигрантской прозы в настоящем исследовании относятся единицы, характеризующие реалии как элементы идеологической политической системы и заключающие в себе стереотипные и мифологизированные представления о советской действительности (напр., *враг народа, светлое будущее, вождь мирового пролетариата, советская власть, прогрессивное человечество, агитационный листок, сплошная коллективизация*). В лексическом значении данного типа советизмов содержится идеологизированная сема, представляющая собой элемент пропагандирующего воздействия на носителей языка с целью создания идеологических установок в их сознании (напр., *‘характеристика общественного строя’, ‘руководящее лицо’, ‘характеристика руководящего органа’*).

Концептуальные советизмы являются частью языковой картины мира писателей-эмигрантов. Их употребление обусловлено необходимостью охарактеризовать идеологически маркированные «концепты» советского прошлого, определенные специфические национально-культурные черты советской действительности, выразить авторскую оценку явления.

Напр.:

(1) *А остальные все врут, делают вид, пыжятся. Коммунизм, мол, строим, светлое будущее... Где оно, это будущее? [Некрасов «Взгляд и нечто»].*

(2) *Федина карьера прервалась самым неожиданным образом. Он жил в те романтические времена, когда Те Кому Надо вели неустанную борьбу за светлое будущее. Уничтожив эксплуататорские классы, одержав победу над буржуазными партиями, поконишь навсегда (или надолго) со всяческой оппозицией, они стали наносить удары и по более мелким враждебным группировкам, как-то: нумизматы, филателисты, баптисты, эсперантисты, преферансисты [Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»].*

В примерах (1) и (2) концептуальный советизм-словосочетание *светлое будущее* приобретает пейоративную оценку. Действия коммунистов и правящей партии по «строительству» *светлого будущего* оцениваются отрицательно: «...все врут, делают вид, пыжятся...». Кроме того,

политику правящей партии и работников КГБ автор характеризует с иронией, так как, по мнению представителей власти, опасными могли оказаться даже безобидные объединения людей по интересам или не связанные с политикой религиозные объединения: «...стали наносить удары и по более мелким враждебным группировкам, как то: нумизматы, филателисты, баптисты, эсперантисты, преферансисты».

Таким образом, в прозе эмигрантов идеологически «правильный» взгляд описывается с неофициальной точки зрения, разрушаются стереотипные представления об «идеальной» советской власти, а в значении концептуального советизма, употребленного писателем-эмигрантом, отмечается наличие пейоративных сем.

К денотативным советизмам эмигрантской прозы относятся единицы, характеризующие советские реалии как типизированные элементы (предметы и явления) советской действительности (напр., *абонплата, авоська, бригадир, трудовая книжка, Гознак, сменорг, профсоюз, собес, сберкнижка*). В отличие от концептуальных советизмов денотативные советизмы в эмигрантской прозе не употребляются с целью воздействия на сознание носителей языка. Их употребление обусловлено необходимостью сообщить информацию о советской реалии.

Напр.:

(1) *За ним тянулось безупречное комсомольское досье. Он был целинником и командиром стройотрядов. Активистом дружины содействия милиции. Грозой мещанских настроений и пережитков капитализма в сознании людей* [Довлатов «Наши»].

(2) *Фабрики и заводы, колхозы и машинно-тракторные станции рапортуют государству о достигнутых высоких показателях* [Довлатов «Компромисс»].

В приведенных контекстах употреблены денотативные советизмы-слова и словосочетания *целинник* («Тот, кто осваивает целину» [ТСЯС]); *командир* («Начальник, руководитель» [Там же]); *активист* («Активный член какой-либо организации, коллектива» [Там же]); *колхоз* («Коллективное сельскохозяйственное предприятие в СССР» [ТСЯС]) и *машинно-тракторные станции* («Машинно-тракторная станция, государственное сельскохозяйственное предприятие, осуществлявшее техническую и организационную помощь колхозам» [Там же]), которые обозначают советские реалии как типизированные элементы действительности без идеологических приращений. Их употребление не предполагает идеологического воздействия на сознание читателя.

Во второй главе «*Советизмы эмигрантской прозы в лингвокультурологическом аспекте*» характеризуется культурный компонент значения советизмов, дается понятие фоновых знаний, представлен динамический аспект функционирования советизмов, анализируются способы актуализации культурной коннотации советизмов в эмигрантской прозе.

В разделе 2.1. рассматривается специфика советизмов как культурно-коннотированной лексики.

Культурно-коннотированная лексика является объектом исследования многих ученых (Андреева 2003; Ахманова 2004; Бельчиков 1988; Берков 1977, 2004; Вайль 1998; Вежицкая 2001; Вепрева 2002; Влахов 1986; Земская 2004; Иванищева 2003, 2005; Китайгородская 2003; Костомаров 1987; Мечковская 2004; Опарина 1999; Седов 1993; Скляревская 2001; Тер-Минасова 2007; Червинский 2010 и др.).

Специфика советизмов определяется наличием культурного компонента в структуре их лексического значения.

Культурный компонент как часть семантической структуры слова впервые был выделен Н.Г. Комлевым, который утверждал, что культурный компонент сопутствует лексическому понятию и представляет собой зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума [Комлев 1969].

В.П. Берков определял культурный компонент значения как нечто отличное от его лексического значения, как дополнительную информацию к лексическому значению [Берков 1977, 2004].

В лингвистической науке понятие культурный компонент тесно связано с национальной специфичностью. По мнению О.Н. Иванищевой, национальная специфичность языка представлена на разных его уровнях: в значениях слов, грамматических форм и конструкций, в их употреблении, в языковом поведении говорящих и даже в отношении носителей языка к своему языку [Иванищева 2005].

Являясь культурно-коннотированной лексикой, советизмы в своей семантике отражают специфические особенности национальной культуры, с которой они связаны, иллюстрируют явления и факты советской культуры, описывают реалии советского прошлого. Имея в своем лексическом значении культурный компонент, советизмы способны транслировать культурно-специфическую информацию.

Напр.:

*Я никогда не был **стилягой** в гордом и демоническом смысле слова. Скорее уж, я был жалким подражателем, провинциальным **стиляжкой**. Иной раз во время каникулярных поездок из Казани в Москву или Питер я видел группы немислимых гордецов в узких брюках и ботинках на толстой подошве, с набриолиненными башками стоящих возле «Авроры» на Петровских линиях или возле «Астории» на Исаакиевской. Набриолиненная башка была, пожалуй, самым доступным атрибутом из **стиляжного** набора, и мы с такими башками собирались на танцах в казанском Доме ученых. Что касается шмоток, то тут от нас за версту разило халтурой, потугами провинциальных «телеграфистов» [Аксенов «Негатив положительного героя»].*

Наличие культурного компонента в структуре лексического значения советизма-слова *стиляга* ('подражающий модному стилю в одежде и по-

ведении') позволяет сделать вывод о характере, внешности и особенностях поведения молодых людей, считавших эталоном западный образ жизни: «*немыслимые гордецы*», «*в узких брюках и ботинках на толстой подошве, с набриолиненными баиками*», «*за версту разило халтурой, потугами провинциальных «телеграфистов*».

Важной чертой советизмов как культурно-коннотированной лексики является *символичность*, заставляющая носителя культурной информации воспроизводить в памяти определенную фоновую информацию о культуре своего народа [Костомаров 2001].

В советизмах эмигрантской прозы как культурно-коннотированной лексике отражается своеобразие советской культуры с неофициальной точки зрения, включая необходимые культурные знания о предмете описания, устойчиво связанные в сознании эмигранта с прямым или переносным значением этого слова.

Раздел 2.2. посвящен анализу фоновых знаний как основы лингвокультурологического потенциала советизмов эмигрантской прозы.

Феномен фоновых знаний является предметом исследования разных отраслей лингвистики: *лингвокультурологии* (Владимирова 2003; Иванищева 2003, 2005, 2008; Карасик 2001; Караулов 2010 и др.); *лингвострановедения* (Брагина 1989; Верещагин 1980; Игнатъева 2010; Костомаров 1980; Томахин 1988 и др.); *психолингвистики* (Крюков 1988; Чернявская 2006 и др.); *лексикографии* (Ахманова 2004; Влахов 1986; Иванищева 2005; Федоров 2002 и др.).

Определяя фоновые знания, О.Н. Иванищева говорит об особой их сущности, включающей когнитивную и коммуникативную составляющие, характеризующие фоновые знания как явления внеязыкового характера и необходимый для полноценного общения «коммуникативный минимум» [Иванищева 2005]. В общем виде фоновые знания, с точки зрения исследователя, могут быть представлены с фактической стороны – это факты, информация о предмете (вид, свойства, функции, роль, назначение) и с эмоционально-оценочной стороны – стереотипы его восприятия (эмоции, оценка, символичность для данной культуры, ассоциации) [Иванищева 2008].

В настоящем исследовании под *фоновыми знаниями* понимается «общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке, т. е. пользующимся одними и теми же лексическими, грамматическими и стилистическими ресурсами, понимать друг друга; как обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, которое является основой языкового общения» [Ахманова 2004].

Анализ фоновых знаний при изучении прозы писателей-эмигрантов предполагает учет национально-специфической информации, характерной для определенной нации и освоенной основными ее представителями.

Напр., при отсутствии национально-специфических знаний неоднозначно может быть понят следующий текст: «*Многие мои собеседники,*

потеряв всякое представление о реалиях, возражали всерьез, что здесь никогда ничего не изменится, что геронтологи работают над членами Политбюро ежедневно и с успехом, и сами эти старики из Политбюро достигли высот в искусстве замены стариков еще более глубокими стариками, и так будет еще сто или тысячу лет, но я, исходя из более реалистических прикидок, точно понимал, что эта гора должна будет скоро, сразу и катастрофически рухнуть» [Войнович «Замысел»].

Трудности в понимании сказанного могут возникнуть со словосочетанием *старики из Политбюро*. Для адекватного восприятия данного текста необходимо предоставить следующую информацию: средний возраст членов Политбюро и ЦК КПСС был около 60-80 лет, поэтому автор и называет их *стариками* («*Мужчина, достигший старости*» [ТСО]). «Закат Советской структуры государственной власти также сопровождался старением высших слоёв руководства. Если в начале советского периода большевистское руководство было относительно молодо, то брежневское Политбюро ЦК КПСС состояло из стариков пенсионного возраста. Это было связано с тем, что кадры подбирались по принципу личного знакомства и семейственности, а друзья молодости старели» [Брежневское Политбюро: www.diletant.ru/articles/16561170/].

В лингвистической науке разработаны различные классификации фоновых знаний, построенные на следующих критериях: количество участников коммуникации, степень распространенности, содержание, процесс обработки и порождение новых знаний, степень общезвестности и очевидности и др.

В разделе 2.3. рассматривается динамика фоновых знаний советизмов в эмигрантской прозе.

Под *динамикой фоновых знаний* О.Н. Иванищева предлагает понимать изменчивость фоновых знаний и смену символической значимости реалии [Слово в лингвокультурологическом аспекте 2007]. По мнению ученого, изменения могут происходить «либо в области реалий, либо стереотипов восприятия этих реалий» [Иванищева 2003]. Кроме того, «изменчивость фоновых знаний определяется их способностью отображать смену общественных ориентиров, это изменение отношения к реалии или стереотипу её восприятия» [Иванищева 2005].

Анализ материала показал, что основу динамики функционирования советизмов в эмигрантской прозе составляют изменения стереотипа восприятия реалии и изменение оценки элементов культурного компонента значения.

Изменение стереотипа восприятия советской реалии в прозе писателей-эмигрантов обусловлено влиянием неофициальной, антисоветской точки зрения эмигранта на описываемый объект.

Напр., изменение стереотипа восприятия концептуального советизма-слова *коммунизм* связано с существованием одновременно официальной и неофициальной точек зрения на данную советскую реалию: «*Я вам*

клянусь, дорогие, что ни парторги, ни министры, ни казэбэшники не верят ни в какой коммунизм, что их, как и нас, рабочих, подташнивает от этого давно издохшего слова, а весь их коллективный разум занят только одним: как бы подольше продержат нас в узде, как бы отвлекать нас почаще от трезвых мыслей всякими империалистами, сионистами, китайцами и светлым будущим, чтобы, не дай бог, не прочухались мы наконец, не стукнули бы все тем же местом по столу и не сказали бы во гневе: «Все это - туфта! Туфта и ложь, дорогие политические руководители, и вам это известно давно. Давно и лучше, чем нам. Но вы и себя и нас заставляете служить тому, в чем разуверились. Только у вас от этого служения дачи, ватаги шестерок, свой собственный курс рубля, дармовая житуха, а у нас каждый день на хребтине сидит ваш «давай-давай» и «давай-даваем» погоняет» [Алешковский «Карусель»].

В словарях представлена официальная точка зрения на понятие коммунизм: напр., «Бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством всех членов общества» [ТСЯС]; «1. Общественно-экономическая формация, закономерно приходящая на смену капитализму и основанная на общественной собственности на средства производства, на сотрудничестве и взаимной помощи свободных от классовой эксплуатации и национального гнета трудящихся; 2. Вторая, высшая фаза коммунистической формации в отличие от первой ее фазы — социализма; бесклассовое общество, принцип которого: «каждый по способностям, каждому по потребностям»; 3. Основанная на познании объективных законов развития общества, созданная Марксом, Энгельсом и Лениным научная теория и тактика пролетарской революции и построения коммунистического общества» [МАС] и др. В то же время в литературе писателей-эмигрантов находит свое отражение неофициальная точка зрения, где характеристика коммунизма сопровождается негативными авторскими словами-реакциями: «подташнивает», «издохший», «узда», «туфта», «ложь», «разувериться».

Под изменением оценки следует понимать «изменение оценки понятий, фактов, событий и предметов, происходящее по шкале, которая содержит следующие компоненты: отрицательное, нейтральное, положительное» [Слово в лингвокультурологическом аспекте 2007].

Анализ контекстов, содержащих советизмы, позволяет выделить различные признаки, отражающие сложившиеся в массовом сознании стереотипы, и говорить об изменении оценки реалий.

Напр., особое место в системе духовных и нравственных ценностей в советском прошлом занимали различные призывы, лозунги, имеющие цель идеологического воздействия на сознание граждан, формирования единственно «правильного» взгляда на советскую действительность. Размещение в учреждениях, употребление в СМИ и литературе таких лозунгов и призывов широко приветствовалось правящей партией, однако с течением

времени оценка данных элементов духовной культуры советского народа изменилась с положительной на отрицательную.

Напр.:

Всю жизнь мое поколение, и поколение моего отца, и поколение моего сына читали и видели везде перед глазами писанную бессмыслицу вроде «Партия и народ едины», «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», «Социализм – это учет», «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой». На протяжении всей советской истории в газетах и в школьных учебниках, на лозунгах и на плакатах и даже в технических инструкциях употреблялись слова, или не имевшие никакого смысла, или имевшие смысл противоположный. Поэтому в газете «Правда» нет ничего, кроме лжи, в ресторане нет ни одного блюда из перечисленных в меню, в магазине «Колбасы» продается не колбаса, а кофейный напиток, кстати сказать, очень мало похожий на кофе. Из-за нехватки товаров и тары несоответствие слов и реалий присутствует и в домашнем быту. Хозяйки держат подсолнечное масло в бутылках с этикетками «Московская водка», – соль – в банках из-под халвы, гвозди – в коробках из-под печенья. Несоответствие наружной надписи тому, что находится внутри, – это одна из постоянных примет советской жизни [Войнович «Антисоветский Советский Союз»].

В примере критикуются официальные советизмы-лозунги, преследующие цель идеологического воздействия на сознание советского гражданина. Автором развенчиваются данные призывы путем их введения в сниженный контекст, где лозунги характеризуются как «*писанная бессмыслица*» и противопоставляются второсортным товарам в магазине и несоответствующим действительности этикеткам на кухнях советских домохозяек: «...*в магазине «Колбасы» продается не колбаса, а кофейный напиток...*», «*Хозяйки держат подсолнечное масло в бутылках с этикетками «Московская водка», – соль – в банках из-под халвы, гвозди – в коробках из-под печенья.*».

Анализ исследуемого материала показал, что в прозе писателей-эмигрантов чаще всего приводится неофициальная точка зрения на реалию, а изменениям подвергается ее оценка.

В разделе 2.4. анализируются способы актуализации лингвокультурологического потенциала советизмов в тексте.

Осмысление советской культуры в прозе писателей-эмигрантов предполагает использование большого количества разнообразных языковых средств, позволяющих охарактеризовать советские реалии с точки зрения носителя языка, находящегося за пределами СССР.

Как показал анализ материала, способами актуализации являются графические способы, произвольная расшифровка аббревиатур, эвфемизмы и парафразы, активизация внутрисловных значений, параномазия, трансформация фразеологических единиц.

Графический способ предполагает употребление прописных букв с целью акцентирования внимания читателя на советской реалии. Напр.: *«Было собрано в том августе важное Идеологическое Совещание и разъяснено: «борьба за мир» - остается, но не надо разоружать советских людей...»* [Солженицын «Бодался теленок с дубом»]. В данном примере употребление прописных букв в концептуальном советизме-словосочетании *Идеологическое Совещание* обусловлено необходимостью акцентировать внимание читателей на важности решений, принятых на таком совещании – *«заседании с целью совместного обсуждения чего-либо»* [ТСЯС]. Проводились идеологические совещания чаще всего на различных производствах с целью воспитания коммунистической идейности, разъяснения рабочим идей марксизма-ленинизма.

Произвольная расшифровка аббревиатур используется с целью создания сатирического эффекта и производится путем помещения аббревиатуры, обозначающей реалию советского прошлого, в сниженный стилистический контекст. Напр.: *«- Дывысыр, дывысыр, – хрипит больной, соглашаясь.- Ну вот видите,- говорит администратор кремлевскому доктору.-Я же вам говорил. Он депутат Верховного Совета республики. Не ДВС, а ДВСР. Кладите его обратно.- И сам хватает больного за ноги, чтобы перетащить с парусиновых носилок на кожаные.- Стоп! Стоп! Стоп! - говорит кремлевский доктор, отрывая администратора от больного.- Мы перевозим только депутатов Верховного Совета СССР, а для давайсыров другая скорая есть»* [Войнович «Антисоветский Советский Союз»]. С целью описания сатирической ситуации автором приводится несколько вариантов произвольной расшифровки аббревиатур *ДВС* и *ДВСР* (*Дэвэсээр, Дывысыр, давайсыр*) – *«депутат Верховного Совета республики»* [ТСЯС].

Эвфемизмы и парафразы используются писателями-эмигрантами с целью создать скрытый смысл своего высказывания, перефразировать мысль или при необходимости заменить запрещенное к употреблению советской цензурой слово. Напр.: *«Сперва говорили «мясные затруднения», потом - «сахарные затруднения», а потом и вовсе ничего не стало, и ввели продовольственные карточки»* [Солженицын «Настенька»].

В приведенном примере словосочетания *мясные затруднения* и *сахарные затруднения* употребляются в тексте в качестве эвфемизма к советизму-слову *дефицит* («1. Хроническая нехватка продуктов питания и промтоваров в СССР; 2. То же, что дефицитный товар» [ТСЯС]).

Под активизацией внутрисловных значений слова (см. об этом: Иванничева, 2010; Шипицина, 2010) понимается процесс актуализации в лексическом значении советизма определенной семы, а также расширение лексического значения слова. Напр.: *«Я вспоминаю анекдот про американца, который подошел к очереди, спросил, что здесь продают. Ему сказали: «Ботинки выбросили!». Он посмотрел и сказал: «Да, у нас тоже такие выбрасывают»* [Войнович «Антисоветский Советский Союз»].

В данном примере с целью создания комического эффекта в анекдоте реализуются два значения многозначного слова *выбросить*. В первом случае («*ботинки выбросили*») актуализируется переносное значение глагола «*пустить в продажу*», во втором случае («*тоже такие выбрасывают*») реализуется прямое значение слова «*бросая, удалить, освободиться от чего-либо*» [ТСО].

Парономазия является одним из способов, используемым писателями-эмигрантами с целью комической рефлексии¹. Данный прием является одним из способов выражения неофициальной точки зрения и средством выделения важных слов в тексте. Напр.: «*Есть в газетном деле одна закономерность. Стоит пропустить единственную букву – и конец. Обязательно выйдет либо непристойность, либо – хуже того – антисоветчина. (А бывает и то и другое вместе.) Взять, к примеру, заголовок: "Приказ главнокомандующего". "Главнокомандующий" – такое длинное слово, шестнадцать букв. Надо же пропустить именно букву "л". А так чаще всего и бывает. Или: "Коммунисты осуждают решения партии" (вместо – "обсуждают"). Или: "Большевицкая каторга" (вместо – "когорта"). Как известно, в наших газетах только опечатки правдивы*» [Довлатов «Наши»].

В данном примере приводятся типичные опечатки, характерные для газет советского времени. Парономазия в словах *осуждают – обсуждают, когорта – каторга* придает комическую окрашенность описываемой ситуации. Кроме того, в тексте содержится авторская оценка данного явления: «*Как известно, в наших газетах только опечатки правдивы*».

Использование фразеологических единиц в произведениях и их трансформация позволяют проиллюстрировать авторское отношение к описываемой советской реалии, создать комический эффект при описании ситуации, «деидеологизировать» советское клише: «Стремление языковыми средствами разрушить тот слой «слов-фантомов», который был призван идеологизировать массовое сознание» [Мокшенок, 2003]. Для трансформации фразеологических единиц писателями-эмигрантами используются известные широкому кругу носителей русского языка устойчивые выражения советского прошлого и цитаты из художественной литературы. Напр.: «*Теперь уже, наверно, не только иностранцам, но и подрастающим соотечественникам следует объяснять, что генеральным секретарем назывался верховный вождь КПСС и вся страны и название самой этой должности следовало произносить с благоговейным трепетом и ни в коем случае не приписывать никому другому*» [Войнович «Дело №34840»].

В данном примере автором создается новая советская речевая формула *верховный вождь КПСС и вся страны*, полученная путем соединения советского устойчивого выражения «*верховный вождь КПСС*» и части

¹ Под комической рефлексией понимается рефлексия, порождающая комический эффект. В комическое включается смех разных оттенков: легкий юмор, ирония, сатира, сарказм, ерничество [Пихурова, 2005].

трансформированной религиозной формулы «*патриарх (царь, князь) всея Руси*».

Раздел 2.5. посвящен способам актуализации культурного компонента лексического значения советизмов в эмигрантской прозе, среди которых были выделены следующие: уточняющие или поясняющие конструкции, обращение к оценочным словам с пейоративной коннотацией, конструкции сравнения и противопоставления.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего исследования советизмов, которые видятся в сопоставительном анализе советизмов, употребленных в прозе писателей разных волн эмиграции, с целью выявления национально-специфических особенностей восприятия советских реалий в разные исторические периоды, создании серии лингвокультурологических словарей советизмов.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора:

1. Публикации в рецензируемых научных журналах

1. Тишулина, М. И. Пространственно-временной аспект функционирования советизмов в литературе писателей-эмигрантов [Электронный ресурс] / М. И. Тишулина // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – №11(19). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tishulina.pdf>, свободный. (Дата обращения: 09.01.2013). (0,3 п.л.)

2. Шкредова, М. И. Критерии отбора советизмов в отдельную группу лексики [Электронный ресурс] / М. И. Шкредова // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – №1(21). – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/1201333/pdf_12, свободный. (Дата обращения: 16.05.2013). (0,3 п.л.)

3. Шкредова, М. И. Функционирование советских идеологем в эмигрантской литературе [Электронный ресурс] / М. И. Шкредова // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – №2(22). – Режим доступа: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2201340>, свободный. (Дата обращения: 16.05.2013). (0,3 п.л.)

4. Шкредова, М. И. Особенности употребления интернационализмов в литературе писателей-эмигрантов в эпоху глобализации [Электронный ресурс] / М. И. Шкредова // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – №2(22). – Режим доступа: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2201341>, свободный. (Дата обращения: 16.05.2013). (0,5 п.л.)

5. Шкредова, М. И. Проблема разграничения понятий «советизм», «идеологемь» и «интернационализм» [Электронный ресурс] / М. И. Шкредова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – №3(23). – Режим доступа: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/3201329>, свободный. (Дата обращения: 16.05.2013). (0,3 п.л.)

I. Публикации в других научных изданиях

6. Тишулина, М.И. Интернационализмы: восприятие в эпоху глобализации [Текст] / М. И. Тишулина // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации: материалы международного научно-практического семинара. 29 – 31 октября 2012 г. / отв. ред. О.Н. Иванищева. – Мурманск: МГГУ, 2013. – С. 242-244. (0,5 п.л.)

7. Шкредова, М.И. Специфика советизмов как культурно-коннотированной лексики [Текст] / М.И. Шкредова // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – Краснодар, 2013. – № 12. – С. 100 – 104. (0, 5 п.л.)

8. Шкредова М.И. Типы советизмов в эмигрантской прозе [Текст] / М.И. Шкредова // Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия. Материалы II международной научной конференции. – СПб., 2014.– С. 102 – 108. (0, 5 п.л.)

9. Шкредова М.И. Динамика фоновых знаний советизмов в эмигрантской прозе [Текст] / М.И. Шкредова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – СПб., 2013. – С. 186 – 188. (0, 3 п.л.)